

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ШТОПАЛ НЕБО

Вверх. Вниз.

Снова вверх к жаркому солнышку, запрокидывая голову. Даже если закроешь глаза, кажется, что этот гоняющий между облаками терпкий мандарин все равно вползет между ресницами, выплеснув красное тепло. И всё кружится. И небо, и земля, и сердце, которое уже не внутри, а вот тут, на ладошке. С каждым движением качелей мир растягивается, а вместе с ним тоненькой резинкой растягивается время. Земля не дает улететь к небу, а пружина времени не позволит улететь из детства. Из этого смеха, из этого ветра, когда кажется, что полету не будет конца. На самой высоте маятника качелей уже нет, и это летишь ты сам, легко управляя руками-крыльями. В самые ясные дни большие вечные птицы с каменными головами разносят детей по животам матерей. И дети помнят это чувство счастливой высоты, со скоростью приближаясь к земле и снова, через годы, возвращаясь наверх.

Вверх. Вниз.

Серая, словно гора булыжников, толпа детей стояла возле колючей проволоки. Они молча смотрели, как там, на той, свободной стороне гетто, шло целое празднество. Крутились разноцветные качели-лодочки и совсем непохожие на них самих дети весело смеялись и размахивали разноцветными леденцами. Из радиоприемника хрипло звучала веселая музыка, а толстый некрасивый клоун услужливо подавал припудренную руку, приглашая на аттракцион. Возле самой колючки лениво прохаживался длинный тощий немец с лаковой винтовкой на плече. Он, словно оловянный солдатик, был частью той невиданной жизни, на которую с завистью смотрели десятки глаз. Он никогда не смотрел в сторону гетто и лишь иногда лениво покуривал сигарету, щелкая желтой зажигалкой. Когда было жарко, солдат снимал серую пилотку и устало, всей пятерней расчёсывал мокрые рыжие волосы. Все дети гетто называли его «Адольфом». В толпе то и дело в полголоса завистливо звучало: «Смотри, Адольф сегодня веселый...». «Наелся от пуза, наверное...». «Да, не иначе как пожрал хорошенько...».

Молча. Все одетые в одинаковые изодранные пальто, несмотря на солнце и теплый осенний день. Со звездами Давида сзади на лопатке и спереди под правой ключицей. В руках они держали кто металлическую тарелку, кто маленькую кастрюльку. Никогда ведь не знаешь, когда перепадет поесть. Каждый день они приходили сюда со школы, возвращаясь домой. Школу приходилось посещать лишь по причине того, что там давали пустую похлебку раз в день. А все благодаря дедушке Хаиму Румковскому, Пану Председателю, который, будучи главой Лодзинского юденрата, добился у немецких властей, чтобы школы работали, а детей как-никак, но кормили. Детвора называла Хаима «королем» или просто «добрым дедушкой». Писали письма с пожеланиями и любили не меньше Моисея. Каждый день был поделен на две неровные части, счастливую и не очень: до и после порции супа. Детям проще было найти еду, чем взрослым. Некоторые из них отнимали пищу у младших, кто-то воровал. Всем было не до морали. Казалось, что из всех человеческих чувств голод стоит выше всего. Именно он заставляет забыть обо всем, чему их учили долгие годы. А некоторые, особо богохульные, даже предполагали, что те, кто писал Тору, наверное, никогда не голодали по-настоящему.

Хаим Леви и Лелек Козеницкий стояли позади всей толпы и угрюмо смотрели, засунув руки в карманы. Им было по пятнадцать лет, и их дружба родилась и выросла на втором этаже соседних квартир серого дома №10 на Лютомерской. Хаим был высоким и тощим. Он носил ботинки на три размера больше и постоянно хмурился, наивно предполагая, что так он станет значительно взрослее. Хотя его отец и говорил, что все на свете глупости рождаются именно с таким выражением лица. В отличие от Хаима, маленький рыжий Лелек и выглядел по-детски плаксиво, да к тому же постоянно болел насморком. В школе над ним подшучивали, предполагая, что мать у него, может, и еврейка, но отец точно какой-нибудь гой. А иные, особо злобные одноклассники уверенно утверждали, что Лелек просто обрезан неправильно, потому он такой сопливый. Все эти разговоры никак не влияли на их дружбу, ведь, как известно, нет ничего ближе, чем мочиться с детства в один горшок. Вроде такая мелочь, но с нее и начинаются все параллельные жизни.

— Ну что, идем сегодня? — робко спросил Лелек.

Пора было возвращаться домой. Представление окончено, но, пока не закончился день, обязательно нужно было чем-нибудь себя занять. Желательно полезным.

— Да, — задумчиво сказал Хаим.

Он поднял голову и с прищуром посмотрел на небо.

— Сегодня пойдем к Шнайдеру.

Лелек робко кивнул и быстро засеменял ногами, едва поспевая за своим долговязым другом.

Люди иногда исчезали из гетто. Кто неожиданно ночью, кто, вполне очевидно, вместе с облавой. Семьи забирали только самое необходимое, что, как они наивно предполагали, могло пригодиться в местах переселения. На небе? Большинство нехитрых пожитков оставалось на своих местах, в комнатах, на кухнях, в мастерских. Ложки, иголки, тарелки. Все, что можно было бы продать или обменять. Еврейские мелочи. Двери никто не запирали, и оставшиеся люди в гетто могли свободно зайти сквозь немое разрешение бывших хозяев и взять все, что могло пригодиться в дальнейшем. Каждый вечер Хаим и Лелек ходили по опустевшим квартирам, даже не удивляясь, что их становилось все больше и больше. Во избежание конфликтов с соседней ребятней дома были справедливо поделены, и все, что находили мало-мальски пригодным, приносили домой.

Они зашли в подвал, который тускло освещался тощими лучами вечернего солнца сквозь полувыбитое окно. Там было сыро, словно в утробе. Дом голодал, как и они сами, светя ребрами балок и кирпичей сквозь содранную кожу штукатурки.

— Обещай, что никому не скажешь, — грозно сказал Хаим, опускаясь на корточки.

Лелек только кивнул головой и зачем-то приложил ладонь к губам.

— Знаешь, — Хаим угрюмо посмотрел в сторону. — Тебе одному скажу, как другу. Дедушка говорил, что у каждого человека есть какой-нибудь дар. Ну там кто-то умеет хорошо готовить, кто-то бежит быстрее всех, кто-то любит по-другому...

— А у меня какой? — перебил его Лелек.

— Не знаю, — улыбнулся Хаим. — Может, дружить умеешь, может, ешь не чавкая, но какой-нибудь обязательно есть. Дед утверждает, что это все равно подарок, даже если на первый взгляд он похож на наказание.

— Ну?

— Я вот ,— Хаим на секундочку задумался, — стал замечать, что все, что я ни сделаю, сбывается наоборот.

— Как это? — Лелек округлил глаза.

— Стоит мне открыть зонтик — на улице начинается дождь, а позавчера у отца на полке я нашел таблетки. Представляешь, я съел для интереса парочку, и под вечер у меня начался понос, чуть не вывернуло всего. И, что самое странное, таблетки эти были именно от живота.

Хаим сурово посмотрел на недоумевающего Лелека.

— Поклянись, что не скажешь ни слова!

Лелек быстро закивал головой, да так, что, казалось, она отвалится с маленькой и тощей шеи.

— Вчера я вырыл маленькую могилу там, за стеной. А вдруг Адольф в ней окажется сегодня?

Лелек весь сжался от ужаса.

— Какой Адольф? — едва пролепетал он.

— Сам знаешь, — угрюмо сказал Хаим. — Может, сходишь помотришь? Там, в углу?

— Н-е-е-е-т!!! — Лелек вскочил на ноги.

Слезы потекли у него из глаз.

— Я хочу домой, — умоляюще сказал он, вытирая глаза.

— Смотри, не обмочись, — милосердно кивнул Хаим. — Ладно, завтра посмотрим, может рано еще.

Он почесал за ухом и напутственно, будто ребе, сказал:

— Отец постоянно твердит, что нельзя желать зла другому человеку, что оно только и ждет нашей слабости, чтобы расти и жить дальше, что мы для него как дом. Это на земле люди встречаются, потому что она круглая. А небо бесконечно плоское. И когда мы попадаем туда — все расходятся по своим тропинкам, никогда не встречаясь. Добро и зло, приобретенные здесь, там некому передать. Это все остается с нами. Но зло — тяжелое и горькое, его трудно нести. Потому избавляться от него проще здесь.

Хаим задумался.

— Я намекнул деду, а он раскричался, чтобы я больше читал Пятикнижие, но я все равно вырыл, — с нажимом сказал он. — Все равно... Пусть он ляжет туда...

— А разве плохо быть добрым? — тихо спросил Лелек.

— Если чересчур, то, может, и плохо, — дернул плечами Хаим. — Что толку? Помнишь, Лелька, Соломона Мейера из Люблян. Говорили, что он был очень набожным. Молился постоянно, лучше него никто не мог объяснить некоторые места из Торы. Когда он считал, что его посещают богохульные мысли, он насыпал в ботинки горох и ходил, наказывая себя. А потом варил и ел, чтобы его наказание оставалось с ним. И вот однажды, до войны еще, кушал он кусок кошерной говядины, — Хаим натужно сглотнул слюну. — Подавился да и помер. Говорят, в последнюю секунду к нему пришел диббук и сказал, что поможет ему, вытащит из горла мясо. Просто так, даже душу продавать не нужно. Нужно просто согласиться. Но Мейер был настолько силен духом, что отказался. Это же помощь от злого существа. Хоть и бескорыстная. Диббук пощекотал его под ребрами, махнул лапой да и ушел. И Мейер ушел, отмучившись. Вот я и думаю, Лелька, правильно ли он сделал?

Хаим поднялся на ноги и отряхнул колени.

— Смотри сюда, еще кое-что покажу.

Хаим подошел к неглубокой широкой яме, спрятанной под ворохом мусора в земляном полу. Он быстро смахнул ладонями тонкий слой земли, и Лелек увидел ржавые металлические рельсы. Железная дорога, уходившая глубоко вниз.

— Куда она ведет? — с восторгом спросил Лелек.

— Не знаю, — сказал Хаим, опускаясь на колени. — Может, на ту сторону земли, в Австралию. Прямоком через океан.

Он прислонил ухо к металлу. Лелек сделал то же самое с другой стороны.

— Если слушать раковину, можно услышать море, — шепотом сказал Хаим. — А если слушать рельсы, то обязательно услышишь поезд.

Они затаили дыхание, и Лелеку, спустя минуту, отчетливо показалось, что он слышит стук колесных пар. А может, это стучало его сердце, уносящееся вагоном далеко-далеко из этого сырого подвала, этого города, да и из этой

жизни тоже. Казалось, они слушали целую вечность, и Лелек мог поклясться, что краешком уха уловил рокот восторженных голосов на перроне и даже перезвон станционного колокола. Магия...

— Ты знаешь, что такое амбра? — тихонько спросил Хаим.

— Нет, — тихо ответил Лелек, не отрывая ухо от рельса.

— В океане плавают огромные твари — кашалоты. И если им удастся прожить очень долго, например, миллион лет, у них внутри образуется солнечный камень — амбра. Мой дядя Изя был парфюмером. Причем известным на всю Лодзь. Он мог сделать с помощью умения и амулетов необычные духи. Со всей округи съезжались замужние женщины, покупали, нюхали, обязательно шесть раз в день, а потом рожали исключительно сыновей.

— Ну?

— Он утверждал, что амбра — самый ценный компонент. Она очень дорого стоит. Порой ее выбрасывает волнами на берег, и счастлив тот человек, который сможет найти хоть кусочек.

Хаим подумал секунду, а потом еще тише сказал:

— Изя рассказывал, что все на свете духи и ароматные воды, если хорошенько принюхаться, пахнут телом человека. И лишь амбра пахнет, как его душа.

Хаим и Лелек еще несколько минут в тишине простояли на коленях, вслушиваясь в глубь земли.

— Ладно, — Хаим поднялся и отряхнул брюки. — Пойдем к Шнайдеру.

Комната Шнайдера находилась в таком же полуподвале соседнего дома. Полукруглое, словно разрезанное яблоко, окно располагалось на уровне ног людей, так, что проходящие могли легко заглянуть внутрь и поздороваться с хозяином. Шнайдер исчез ночью, три дня назад, как и многие жители дома. Это был тощий старик с крючковатым носом, с седыми длинными пейсами, весь сгорбленный и серый, как и все люди в округе. Он редко выходил на улицу и постоянно работал в своей каморке. Соседи говорили, что он был хорошим портным, и многие приносили к нему на починку или перекройку свои старые вещи. В его окне постоянно горел блеклый свет керосиновой лампы, и казалось, что этот старик никогда не спит. По правде говоря, детвора даже не знала, как его фамилия, и потому называли его просто по профессии — *шнайдер* — портной.

Легко толкнув грубо окрашенную дверь, Лелек и Хаим вошли внутрь комнаты. Помещение было очень маленьким, словно мышь. Кровать. Стол. На облезлых стенах они с удивлением увидели полукруглые, идеально ровные полосы, будто эта комната до сегодня каким-то чудом висела на самом шпиле городской ратуши и огромные острые стрелки замковых часов прочертили на штукатурке свой каждодневный ход, царапая по миллиметру в год. Вещей не было почти никаких — небольшая латунная банка с дюжиной поломанных и потускневших пуговиц да аккуратно сложенный посреди кровати прямоугольник старого полотна.

— Шторы, наверное, — сказал Хаим, протягивая полотно Лелеку. — Можно рубашку пошить.

Он засунул банку с пуговицами в карман и еще раз разочарованно осмотрел комнату. Она была пустой и гладкой, как лысина их учителя Ицхака Рубинштейна.

— Да, — задумчиво сказал Хаим. — Наверное, до нас тут уже кто-то побывал. Пошли домой — есть хочется...

Они вышли, не закрывая дверь, давая понять следующим гостям, что это место и не свято, и давно уже пусто.

Каждый день семья Козеницких собиралась возле большого стола у окна. Отец, сам Лелек да четверо братьев, самому младшему из которых, Кубе, едва исполнилось пять лет. Мама не дожила до этих дней, отдав свои последние силы в родах да божье благословение именно Кубе. Когда Лелек иногда спрашивал отца, какой она была, старший Козеницкий с улыбкой говорил, чтобы сын взглянул в зеркало. Вот именно такой!

Они семьей садились возле окна и делились всем, что им удавалось добыть за день. Вещами, хлебом, но чаще всего просто словами. Иногда отец со слезами качал головой и сокрушался, что, вместо того чтобы кормить своих детей, он ест хлеб, которым дети кормят его самого.

Сегодня на столе было совсем мало. Несколько картофелин, два прямоугольничка хлеба, ношенные ботинки да полотно, которое принес Лелек.

— Что это? — отец развернул грубую ткань и надел связанные резинкой круглые очки.

— Посмотрите! — через секунду удивленно сказал он сыновьям.

Все подошли к отцу и, выглядывая из-за спины, увидели необыкновенное зрелище.

Это была картина. Но не просто, а вышитая из разноцветных кусочков, словно мозаика. Штопанное грубыми стежками небо, рыжее махровое солнце, улица и серые дома, стеганные из ворсистой шинельной ткани. А в одном из домов сияло непропорционально большое желтое окошко, в котором угадывался силуэт человека. Он не был вышит. Это был просто отпечаток большого пальца, то ли сажей, то ли чернилами.

— Где это? — спросил Куба.

Отец отодвинул чуть подальше картину, чтобы лучше видеть, а потом улыбнулся и снял очки.

— Где ты это нашел? — спросил оу Лелека.

— У Шнайдера.

— Ицхака?

— Да, — сказал Лелек, опустив глаза.

Ему было немного стыдно, что он понятия не имел, как звали соседского портного. Ну, наверное, так, раз отец говорит.

— Тогда я знаю это место, — серьезно сказал отец. — На этой улице он и жил, этот старик Ицхак. До войны, до бомбежек, до того, как появилось гетто...

Отец на секунду задумался, глядя в окно.

— Он вышил то место, где был счастлив. А это, наверное, он сам. В окне...

Отец провел пальцем по желтому квадрату.

— Может, он уже там...

Потом отец встал и долго, вполголоса, читал амиду. В конце он сделал три шага назад и посмотрел на Лелека.

— Отнеси эту картину назад. Полотно можно себе забрать, но счастье чужого человека уж точно не будет твоим.

Он сложил ткань вчетверо и протянул сыну. Лелек покорно накиннул рваное пальто. По пути он забрал Хаима, и они снова вошли в маленькую комнатушку,

которая изменилась лишь количеством света. Тогда она была заполнена им наполовину. А сейчас лишь на четверть — до колен.

— И чего мы опять здесь? — спросил Хаим.

Лелек торопливо все рассказал другу. Они сели на кровать и еще раз развернули картину. В полусумраке она казалась особенно реальной, сливаясь с пыльной подвальной действительностью.

— А это точно Шнайдер? — спросил Хаим, указывая на отпечаток пальца в пришитом желтом квадратике окна.

— Так папа говорит, — кивнул головой Лелек.

— Хотел бы я быть с ним, — Хаим покачал головой. — Хотя бы вот здесь — на улице.

Он ткнул пальцем, и грязный отпечаток остался на полотне, между вышитыми домами.

— Тогда и я хочу, — Лелек послунял палец и, проведя по грязному полу, оставил и свой отпечаток на воображаемой улице.

— Тогда пусть там будут и все мои: папа, мама и братья. — Хаим провел всей пятерней по полу и прилепил ее на полотно.

— И мои тоже, — сказал Лелек, повторяя действие за Хаимом.

— Знаешь, Лелька, — развеселился Хаим, — пусть тогда с нами будет и наш класс, и соседи.

— Давай!

Выбежав быстро на улицу, они набрали полные пригоршни земли и, макнув всю эту грязь в лужу, снова ввалились в комнату.

— Пусть будет бабушка Сара и молочник Израэль! — хохотал Хаим, хлопая грязью по полотну.

— И Ханка Гроссман и Элька Бузин! — вторил ему Лелек.

— И Давид Любиньский, и Сара Плагер, и Израэль Авирам...

— И Юзеф Коэн и Мириам Зелькович...

— И Юстына Эдельман и стекольщик Томашевский...

— И Хадасса и Аншель...

— И тетя Пеша и бабушка Ялка...

Они вспомнили всех своих и чужих родственников, кого до второго, кого до двенадцатого колена. Всех соседей по улице, всех, кого даже не могли вспомнить, но чье имя казалось им вроде бы знакомым. Нашлось место даже Аврааму с Моисеем, но, конечно, чуть выше над всеми.

— Почему одни отпечатки меньше, а другие больше? — веселился Лелек. — Надо всем одинаковые ставить. Все люди одинаковы.

— Все люди разные, — улыбнулся Хаим. — Вот что ты больше всего на свете хочешь, Лелька?

— Рыбы хочу жареной... и конфет... А ты?

— А я больше всего на свете жить хочу, — серьезно сказал Хаим. — Теперь чувствуешь разницу?

Через несколько минут полотно было сплошь грязным, да так, что нельзя было разобрать ни домов, ни улиц, и только маленький кружочек горчичного солнца сиял над миллионом людей-отпечатков. Лишь левый верхний уголок штопаного неба оставался незанятым.

— Пусть он будет для того, кого мы случайно забыли, — сказал Хаим, ставя последнюю грязную точку.

Они сложили картину, положили ее посреди кровати и быстро выбежали на улицу. Было уже совсем темно, когда они молча, не прощаясь, разошлись по своим домам.

Им снился один и тот же сон. Железная дорога, идущая под подвалом, под домами, под улицами и дальше, на край города. Только потом она продолжалась не вниз, а вверх, в бесконечное плоское небо. И сесть на поезд или выйти из вагона можно было лишь в одном месте. Этой станцией были качели на краю гетто. Некрасивый клоун раздавал цветные билетки и бил в маленький станционный колокол. Вверх. Вверх, там, где в плоском пространстве плавают огромные кашалоты, оставляя амбру. Из светлых кусков зажигаются золотистые звезды, а из темных — черные. Под стук колес и скрип несмазанных качелей...

Вверх. Вниз.

Вверх. Вниз.